

Феликс Кохрихт

Body and Soul

Размышления после концерта

В заголовке этих заметок нет кавычек. Речь пойдет не о вечно-зеленой джазовой композиции «Тело и душа» (перевод с английского), а об извечном противоречивом, но не живущем друг без друга двуединстве вроде «инь» и «ян», да и пафосного рефрена поэмы Максима Горького: «Любовь и смерть – неразлучны и ходят вместе».

«Душа и тело» – на эту тему написаны трактаты, сказаны нобелевские речи и проповеди, спето столько песен... Именно в джазе, полагаю, ярче, чем в других музыкальных системах, проявляется глубокое противоречие, вместе с тем единство, а случается – и гармония между возвышенным и земным: если возьмем в кавычки, получим название романа американского писателя Дэвида Вайса о жизни и творчестве Вольфганга Амадея Моцарта. Действительно, великий австриец, вероятно, заслужил если не свет, то покой, а вот великий немец Иоганн Себастиан Бах уж точно был гений чистой красоты. Рыцарь без страха и упрека. Может быть, поэтому его музыка, созданная столетия назад, временами забытая, чудом возродившаяся, обрела особое значение именно в XX и XXI веках, когда неизбежным стал прорыв человечества – и в ад, и, быть может, в чистилище. О рае пока речь не идет... Спор здесь неуместен.

Музыка Баха принадлежит прошлому, настоящему и будущему. Человечеству и иным формациям, где бы они не квартировали – на поверхности или в недрах небесных тел, в их пучинах или вовсе «всюду и нигде». И вот почему.

Если выпадет общаться с насельниками иных миров, оптимальным, а может быть, и единственно приемлемым языком

станет музыка. Это рассчитали и доказали ученые – математики, астрономы, лингвисты, философы и даже некоторые теологи...

Но при всей универсальности музыка Баха вовсе не компьютерный сленг, а творение гениального композитора и, что особенно важно – европейского. Она, при всей свободе от этнических традиций (в том числе – и немецких), родилась на континенте, в стране и во времени, которые определяются: Европа, Германия, XVII-XVIII века от Рождества Христова. Точка отсчета здесь – не политкорректное «н. э.», а эра рождения иудейско-христианской этики и эстетики, родственных при всех формальных и неформальных конфессиональных различиях. Чуть позже родились религия и искусство мусульманского Востока, имеющие свои этические и эстетические признаки.

Хотя и исходят эти религии из одного – библейского истока, но, как говорится, на сегодняшний день, да и давно уже, они во многом разнятся. Киплинг сказал об этом: «Запад есть Запад, Восток есть Восток...» – но мы в этих кратких заметках на полях концертной программки и не пытаемся погрузиться в пучину все углубляющихся противоречий между цивилизациями, а лишь коснемся, и то, увы, по-дилетантски, различия между музыкальными культурами Запада и Востока, Более того, не во «всемирном масштабе», а в конкретном случае – под впечатлением концерта, на котором уже во второй раз перед одесситами был реализован проект «Бах. Перезагрузка». В его основе – новое прочтение шедевра «Гольдберг вариаций», труднейшего сочинения, на исполнение которого решаются не многие пианисты. Наш земляк, выдающийся музыкант Алексей Ботвинов, сделал это 280 раз, на лучших мировых сценах.

Я знаю Алексея с его юности и рискну предположить, что понимаю, почему именно ему пришла идея сделать именно это произведение поводом, а точнее, смыслом встречи двух мировоззрений. Он понимает неотвратимость взаимопонимания Запада и Востока, необходимость терпеливого и тактичного не только сближения, но и сотрудничества становится все актуальнее в последние годы, когда во многом не оправдываются надежды на слияние, конвергенцию этносов, живущих вместе, по соседству, да и поодаль...

А ведь впереди – новые вызовы, и намного более серьезные, неоднозначные. Алексей с юных лет увлекается не только музыкой, но и философией, литературой, в том числе (и это важно) – книгами высоких фантастов, от Стругацких до Брэбери и Кларка, предсказавших неизбежность контактов человечества с внеземными цивилизациями. Важно и то, что Ботвинов уже много лет живет и работает в Европе, дает концерты по всему миру и остро ощущает и единство, и противоречия нашей сегодняшней жизни.

Единомышленника и партнера в этом труднейшем, не имевшем на то время прецедента деле Ботвинов нашел в турецком перкуSSIONисте Бурхане Очале, музыканте с мировым именем, также склонном к участию в «синтетических» ансамблях. Их дуэт оказался плодотворным и успешным. О триумфах в Париже, Москве, Стамбуле, Цюрихе, Киеве, Монтрё писали и пишут в специальных изданиях, рассказывают в Интернете.

Когда проект только создавался и шли первые репетиции, Алексей делился со мной мечтой: «Перезагрузку» должны услышать одесситы. Где бы Ботвинов ни жил, он всегда возвращается в родной город, и ему важно, чтобы многонациональная Одесса стала не только свидетелем (слушателем, зрителем), но и участником действия, в котором Запад и Восток объединяются в осмыслении и великой музыки, да и смысла жизни. Ему пришлось преодолеть немалые трудности, чтобы с помощью просвещенных меценатов осуществить свой замысел.

Год назад в переполненном зале Одесской филармонии прозвучал Бах – не перезагруженный, а переосмысленный. Классический, но в прочтении, в исполнении мастеров, принадлежащих к разным культурам и ощущающих свою ответственность за каждую прозвучавшую ноту. Самое главное: это было не слияние, не синтез, не рождение новой сущности. Скорее – новой реальности, новый взгляд на нашу жизнь, где бы мы ни обитали.

Ботвинов играл по партитуре великого сочинения. Очал импровизировал. Звучали соло – пианиста и перкуSSIONиста, возникали ансамбли, где соблюдалось главное условие этого проекта, может быть, и не произнесенное вслух его участниками при «сговаривании», но само собой разумеющееся: за душу (мелодия) в этом совместном музицировании отвечает фортепиано

Ботвинова, за тело (ритм) – ударные инструменты и всякие приспособления Очала. При всем взаимоуважении партнеров в этом союзе доминантой является музыка, сочиненная Бахом для клавирина и звучащая ныне на рояле. Думается, в Париже, Москве, Цюрихе и т. д. турецкий виртуоз понимал это, и его вкладом в Гольдберг-вариации был аккомпанемент. Он исполнял роль оркестра в концертах.

Концерт, как известно, в переводе означает соревнование, что и происходит, когда рояль, скрипка, виолончель, духовые, деревянные инструменты, да, бывает, и ударные, если не борются с оркестром, то главенствуют в некоем соперничестве – во всеобщее благо.

При второй, недавней нашей встрече в том же зале Очал словно забыл о концепции проекта, о той невидимой, хрупкой, но вполне ощутимой грани, которая пролегла между нашими мирами, между Западом и Востоком, между христианством и исламом. Он забыл о высоком замысле, родившемся у Алексея Ботвинова и у него: сделать попытку преодоления этой самой грани – не ликвидации ее, а лишь, говоря языком политиков, создания благоприятных условий для взаимопонимания между нашими цивилизациями.

Так или иначе, в этот вечер Ботвинов проявил себя истинным сыном традиций европейской, в том числе и славянской культуры, а Очал ощутил турецкую лихость и показал себя горячим стамбульским парнем, лихо играющем на всем, что звучит, неутомимым и победительным. Может быть потому, что в зале было много хорошеньких женщин, и еще присутствовали его земляки. И в этот вечер Бурхан, образно говоря, сыграл нам «Турецкий марш, но не Моцарта – Очала». Особенно это проявилось в исполненной на бис пьесе Рахманинова.

Алексей упоминает в своих статьях и выступлениях по ТВ о традициях суфизма – древнего религиозного и философского течения, зародившегося на Востоке. Его нынешние адепты – носители мистической и медитативной поэзии и танцевального искусства.

В Турции мы стали свидетелями впечатляющих, завораживающих плясок дервишей: часами они в экстазе кружатся на одном месте: одна рука поднята вверх, другая опущена вниз... Так, по их верованию, человек вступает в контакт с Небом и Землей. Душа и тело.

Очал забыл об этом – не может быть, чтобы не знал...

А концерт 27 сентября прошел с огромным успехом, но именно как концерт-соревнование, в котором Ботвинов, на мой взгляд, победил, хотя и не показал этого.

